

Теофания и парусия. О Богословских терминах и образном пространстве

Столь обильно используя термины и понятия в наших многословных рассуждениях, хочется несколько подробнее определиться в некоторых из них, несколько более подробно выяснить то, о чём говорим, рассуждая об образе, что мы имеем в виду и что, собственно, стоит за произносимым нами словом. Как представляется, не вполне чётко и внятно используемая нами терминология столь же гадательно, как в мутном стекле - отражает то, что происходит в храме за общей молитвой и при свершении таинств. Слово зачастую оказывается совершенно немощным, безуспешно усиливается вербализовать, выявить, определить своими значениями то, что предъясняется образом. Что происходит между человеком и образом, возвещающим о Боге, предъясняющим некое уверительное свидетельство о Христе. Образ предлагает некое средство к нашему опаматыванию и способ возврата к утраченному - личному Богообщению. Как образ и термин, повествующий об образе, стоят на страже, на тонкой грани соединения человека с Богом, непосредственно образом - преподающим Себя человеку. Бог не ограничивает Себя в сообщении с человеком никаким образом и понятием. Бог превосходит всяческое понятие о Нём и Сам не есть некое понятие, но не входя в пределы нашего понимания, вступает в живое событийствование с тварью - человеком. Осознавая всю недостаточность и безосновательность ограничения Богообщения и Бога нашим разумением, мы в тварной ограниченности нашей вполне традиционно и привычно - используем некоторые понятия о Боге, когда рассуждаем о Его образе. Среди этих понятий парусия, теофания и образотворчество человека, как способность распознавания Первообраза через символ. Последнее можно именовать ещё Богоданным свойством Божественной образности, дарованной человеческой природе при её создании по образу Бога. Образу Божьему в человеке естественно устремление к Первообразу, через познаваемое в Боге - к Непознаваемому. Средоточие этих, казалось бы разрозненных, понятий теофании, парусии и образности в человеке, предмет их описания и устремления, попытки к определению - Сам Бог. Бог неразделим на понятия, не определяется ничем, не расчленяется на частичные смыслы нашими о Нём помышлениями. Бог через таинства предъясняет Себя, преподаёт нашему познанию, восприятию, действительному, не фантазийному проникновению и усвоению. Живое осуществление этого взаимного отношения, взаимного уведывания Творца - Бога и твари - человека происходит в общем церковном литургическом делании, Быть может, вернее бы говорить о литургии, как о таинстве проникновения Творца в тварь, таинстве приготовления твари к этому проникновению, которое невозможно одними лишь усилиями Церкви. Бог не может быть принуждён к проникновению в человека, даже самым прекрасным Богослужением и самым истончённым образом - Бог не может быть приневолен к проникновению в человека. Церковь возделывает таинство Богослужением и приникает к таинству сопричастия твари с Творцом. Но вникает - совершенно свободно - Сам Господь. Единственная цель церковного сообщества - соединение в вмистическом теле Христовом - усвоить проникающего и причащающего к Себе Бога, осуществляющего Себя в мире через церковь и в церкви. Церковью тварь возвышает себя к Богоприятию, и если не к избыванию первородной огреховленности, то к воссоединению утраченного райского события человека и Бога.

На тонкой грани этого воссоединения, помощником и соучастником этого усвоения человеком, Сам Бог проявляет Себя, содействуя человеку в устремлении к Нему. Бог желает быть желаемым для человека, желает возвращения человека к Себе, как желал и жаждал евангельский отец возвращения заблудшего своего сына, канувшего своеволием во страну чуждую со своею по праву истребованной частью наследия.

Итак, термины - во многословии нашем. Парусия (греч. Παρουσία) – термин этот может быть понят и как присутствие, и как пришествие Господнее, – но может ли определяющее слово как-либо приоткрыть к уразумению, к деятельному познанию естество Самого Бога, присутствующего в мире, незримо событийствующего с человеком. О неотъемлемом от нас Божиим бытии («сё, Азь съ ва́ми ёсмь во вся дни до скончания вѣка». Мф. 28:20), о неотвратимом взирании очей Господних в тварный мир, - свидетельствует и вопиет нам образ. Бог – здесь, Он незрим, необозреваем, но присутствует вокруг, не отделим от нас, Бог не удалил Себя в некую недоступность, - но вместе с нами и вне времени, - Бог, соединяющий нас со вневременным бытием. Бог опосредованно образом – присутствует с нами и вокруг нас. Но образ между человеком и Богом не есть препятствующая, разделяющая преграда. Образ Бога в человеке – есть залог непосредственного со-бытия с Первообразом. Лучше бы высказаться не о знании, но о некоей памяти образа о Первообразе и о воспоминании, об опаматовании человека – о пробуждении человека Богом через образ Его. Образ Божий в человеке – есть та часть человеческого естества, которая может, воспрянув, отозваться Первообразу. Господь непрерывно побуждая, пробуждая нас - возглашает образом о Себе: «Я – здесь, Я – с вами...» Итак, парусия – есть таинственное соприсутствие Бога с человеком – и это событие отражено, засвидетельствовано нам образом. В этот термин единовременно вложено иное значение: присутствие Бога с миром в последнем нисхождении, в эсхатологическом – завершающем Судном вхождении в мир, в последнем соприкосновении с тварным миром перед его прекращением, иссяканием. Парусия Второго преславного пришествия Христова - явственного и неоспоримого, непосредственного откровения Бога человеку. Бог – грядёт в событие с человеком на самой грани последнего дня завершения истории этого мира. Эсхатологический смысл термина парусия – свидетельствуется и привносится образом и особенно явственно - образом литургического устройства храма, литургического действия в нём. Бог, упоминая о Себе – свидетельствует о грядущем окончании видимого мира. И церковь, свидетельствует о своей вере «единими усты»: «...чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века». Церковь свидетельствует, воскликнув призывно: «да приидет!», - возносит свою эпиклезу – стяжающее моление о снисхождении, о приближении Бога и понуждает Его, торопит, зовёт и уготовливает себя к встрече. Образ в церкви, предъявленный церковному телу, содержащий и оформляющий церковь образ – непрестанно и неотступно свидетельствуя о присутствии Бога в мире сем, о связанности мира не от мира с миром сим – и во всяком свидетельстве содержит прообразование об исчерпанию мира видимого. Образ выступает как вестник, предтеча, предшественник Второму Пришествию, как приуготовитель и предъ-явитель эсхатологического Откровения. Так, термин «парусия Господня» – говорит нам не о разлитии Божественного естества в мире тварном, не о смешении твари с Богом, но о со-присутствии Бога земному бытию на грани откровения... предвозвещает об откровении Божиим по исполнении времён и сроков.

Вместе с тем, в уяснении отношений Бога и твари при видимом образе, усилимся осознать и значение термина Теофания (греч. θεοφάνια от θεός — Бог и φαίνω — являть. φαίνομαι — являться. Теофания - Богоявление). Теофания и образ... Бог – являет Себя, предъявляет Себя, открывает человеку Своё бытие, приоткрывает Своё естество, свидетельствует в откровении о Себе, о со-бытии с человеком. Бог не утаён, не только лишь потаённо соприсутствует нам, привлекая к познанию Себя символ, но непосредственно символом - свидетельствует о Своём бытии, открывает нам часть Самого Себя, приобщает к Себе. И в этих категориях нам уместно говорить о Теофании – Богооткровении, - о Боге, открывающем Себя, о Боге откровенном без умаления и без

всяческого ущерба Своей сущности. Бог силен явить и – являет Себя в соответствии с Его произволением, как Ему будет угодно. Бог может проявить Себя и через образ. Откровенный в символе Бог – есть смысл литургического действия в образном пространстве храма, но в литургии Бог преодолевает всякий символизм и преподает Себя Святыми Дарами, которые уже не есть образ. Указуя на Чашу священник произносит молитву исповедального смысла: «Верую, Господи, и исповедаю, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго... Еще верую, яко Сие есть самое пречистое Тело Твое, и сия есть самая честная Кровь Твоя». Бог превосходит всяческий символ, совершенно не нуждается в символе для откровения Себя, - превосходит Свой образ, все совокупные образные качества. Бог открывает Своё присутствие и уже не тайно - бытийствует вместе с нами, событийствует «посреди нас», открывает Себя, проникает в нас, во глубину человеческих смертных составов Своим без-смертием, Своей неместимой чистотою, не знающей никакого греха. Высшая точка, средоточие этого откровения – евхаристия – вхождение, проникновение Бога в человека, усвоение Богом человеческого естества, взаимное - неотторжимое усвоение Бога человеческим естеством. Это взаимное приятие тайнодейственно – совершается за каждой литургией. Теофания – как откровенное явление Бога, проникающего в человека и усваиваемого человеком – есть содержание и суть каждого литургического действия: Бог – проникает в нас, делает нас частью Себя, не только свидетельствует о Своём существовании, но действительно, сущностно, неотвратимо по нашему произволению и его со-изволению с нашей волей – проникает и усваивает Себе человека, позволяет человеку усвоить Себя. Именно в этом проникновении и взаимном усвоении – есть существо жизни Церкви, как жизни мистического тела Божиего, в этом – смысл земного бытия человека и всего сотворённого мира, содержащего в себе падшего человека в неизжитой греховности. Тварь – стонет и мучается, держа в себе человеческий грех... ожидая обращения сынов Господних... и мир продолжает существование, лишь имея в себе залог жизни века будущего – во взаимном возвращении, в усвоении, обретении, приобщении твари и Творца, человека и Бога... никак не иначе.

Теофания – явление Богом Себя, откровение Бога и Парусия – Божественное сопричастие миру, предвозвестие грядущего откровения во Втором пришествии. Каждое евхаристическое приобщение – есть вкушение Бога, приобщающего к Себе и предвозвещающего Себя, предвозвещающего о вкушении последних дней и жизни вечной, предвозвещающего проникновение завершающее, последнее и возводящее в Вечность, в со-бытие с Творцом исцелённого человеческого естества... в вечное необратимое отвержение – отверженного.

Свидетельствующий о Себе, приносящий Себя человеку Бог - раскрывает человеческие способности к восприятию откровения Богом Самого Себя, как и способности к творению человеком образа Божьего, - к образотворчеству. Так произволением Господним человек обретает в себе дарованные ему свойства к уразумению и восприятию Бога, предъявляющего Себя человеку. Человек являет, творит образ, как постигаемое свидетельство Богопроявления, как свидетельство о возможности и опыте личного Богообщения, взаимного постижения тварного человека и Бога Творца. Образ являет собою свидетельство о постигаемом Боге, Который желает быть открытым и воспринятым. Сокровенный и непостижимый Бог желает открыться человеку и открывает Себя. Человек – жаждет Бога, ищет, зовёт Его... и таинственно – обретает, вникая в церковь, приобщая себя к опыту и деланию совместного, лично – обобщённого согласного стяжания Бога. Само пребывание в церкви есть свидетельство человека о желании воспринять Бога, свидетельство человека, прошедшего воцерковление, таинственный путь присоединения к мистическому церковному телу, прошедшему через

отречение от духа чуждого и отъединённого, свидетельство человека, таинственно отделённого от вражьего сродства. И Господь – являет Себя, отзывается к этому желанию человека, этому жадному взыванию и непременно – нисходит к устремлению человеческой Богодарованной свободы, обращённой к Нему. Бог – раскрывает Отеческие объятия сыну заблудному, возвращающемуся. Образ – созидает, обустроивает пространство для этого свободного обращения, устраивает подобающее место встречи, украшает собою места произошедших встреч человеческого устремления к Богу и нисхождения Господнего к встрече... образ – свидетельствует о встречах уже произошедших и созидает места встреч грядущих. Образ обустроивается, как поле и место деятельного, действенного соприкосновения, действительного соучастия человека в Боге и Бога в человеческом существовании, область таинственного взаимного проникновения и события твари и Творца. И событийствование – происходит в области и пространстве совершающегося таинства литургии. Место этому длящемуся со-временному событию, сопричтённому ко вне-временному со-бытию с Богом – храм Господний. Здесь происходит действие, выходящее за пределы всяческой образности, превосходящее образ, - действие сущностного воссоединения Божественного естества и тварного человека. Действие, превосходящее образность, приурочено и обустроено образом, не способным ни проявить, ни вместить собою полноту происходящего вне-образного, превыше-образного таинства.

Такие терминологические сопоставления и уяснения необходимо нам иметь в виду и в личностном осознании, когда мы рассуждаем о Боге и образе Его в православном храме. Бог – сосредоточен в Себе и разлит повсеместно, но Он не есть мир, видимый нами. Везде – Бог, но Он не смешен с миром. Бог соприсутствует, открывает Себя человеку в мире (парусия) – незримо и явственно, неосознаваемо и внятно, убедительно, уверительно. Бог – свидетельствует о Себе в образе, сотворённом человеком, Богодарованном человеку... и свидетельством о Себе – превосходит образ, не может быть ограничен образом. Но Бог – силен открыть Себя, про-явить (Теофания) Себя через образ. И человек образотворствующий, устремляет себя через образ к непосредственному Божественному восприятию, настраивает свой личный природно – Богообразный «камертон» к восприятию Творца и все свойства свои на личное образотворение к удостоиванию себя, к предъ-явлению себя перед Творцом... к приобщению Бога. Важно при этом, чрезвычайно важно: совершенно равночестны пред Господом человек, приносящий к образу в творении образа или же в почитании его. Ещё раз, кстати, упомянем здесь о значении имени возлюбленного нашего образотворца – мастера Феофана: Богом явленный, Богоявление... являющий Бога, про-являющий Бога – Феофан. Явленный Богом и проявляющий Бога – человек... ободримся же смыслами, вложенными в это имя.

Может ли окончиться это Божественное пребывание в мире одним лишь образно-символическим соприкосновением с человеком... удовлетворится ли этим Бог... утешится ли так тварь, страждущая и жаждущая обращения. Не полноты ли приобщения жажду... не ищет ли моей полноты, всего меня без остатка – Бог, взывающий: «Дáждь Мí, сýне, твоё сёрдце» (Притч. 23:26). Не плоскостью изобразительной поверхности удовлетворится живое человеческое устремление к Творцу... Если бы так – в крайнем унынии оставила бы нас наедине с самими собой вся наша образотворческая деятельность, всё наше увлечение образом, вовлечение в образ, всё наше сердцебиение перед образом безответным. Сам Христос – раскрывает Себя на наш зов, преподаёт Себя в таинстве, не нуждаясь для этого преподавания ни в чём посредствующем, не выставляя никаких

преград между Собою и человеком, удостоенным приобщения к Нему. Сам Христос – преподаёт Себя внутри образного пространства. Образное пространство само по себе не является таинством и даже областью таинственного, более того... - ничтожно само по себе вне этого пре-подаяния Бога, вне нашего к Нему приобщения, вне литургии. И ещё - добавим, почти уж крамольное суждение об образе, никак не унижая почитания его. Вне Бога все притязания образа на само-бытие в нашем помрачённом сознании, на само-достаточность, все наши само-оправдания образом, возвеличивания образа вне Бога и вне литургии – есть идолотворение отвращающее от Бога, отвратительное идолопочитание, выхолащивание и подмена Христа, соблазн и преткновение в погибель ищущим образ и не идущим дальше. Но! он же, образ, - есть скорый помощник, верная опора немощным и Богоищущим, жаждущим приобщения, приобретения Бога, - через образ – путеводствующий, тайноводящий к опыту обращения со славой Господней, к опыту неопального взирания и живого приобщения к Первообразу – Богу.